

MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 82:1

DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-3-0-8

Ольхов П.А.¹, Федосюк О.А.²,
Мотовникова Е.Н.¹, Номеровский В.О.³,
Шевченко В.В.³, Чистякова Е.Ю.¹,
Масалов А.Г.¹, Швец Н.К.,
Ковалевская Ю.В.¹, Мирошкин М.В.³,
Егоров Н.С.¹

Опять Пелевин, опять Уэльбек?
Первые двадцать лет XXI столетия
(материалы «круглого стола», часть 2)

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;

² Российское общество изучения Канады, Хлебный переулок д. 2/3 (Институт США и Канады РАН), г. Москва, 123995, Россия;

³ Белгородская Православная Духовная семинария (с миссионерской направленностью), Белгородский пр-т, д. 75, г. Белгород, 308009, Россия;

Аннотация. В феврале 2020 года редакция журнала «Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования» выступила соорганизатором «круглого стола» ведущих и молодых ученых международного научно-исследовательского центра «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» НИУ «БелГУ» (студии практической философии и студии христианской антропологии и социального служения), посвященного современной художественной антропологической прозе Виктора Пелевина и Мишеля Уэльбека. В прозвучавших докладах и их обсуждении затрагивались самые разнообразные аспекты злободневности и актуальности творчества писателей в контексте современных гуманитарных тем и проблем: зеркальность и бесконечность авторского вопрошания Пелевина (С.А. Колесников), само авторство и писательство как проблема в современном мире (Е.В. Шерстюкова), проблема поиска идентичности современным человеком и персонажем в сравнительном литературоведческом ключе (О.А. Федосюк), в гендерном аспекте (Е.Г. Тихомирова) и в утопически-гармонизирующей идеализации (Е.Ю. Чистякова), продолжение традиции вечных ценностей и идеализма русской литературы в творчестве В. Пелевина (Е.Н. Мотовникова) и М. Уэльбека (К.В. Загороднева), философия, литература и практика свободы и освобождения разума читателя (М.Ю. Ширманова). В дискуссии затрагивались также вопросы о роли и значении литературной критики для современного читателя, о культурно-исторических параллелях и расхождениях между современной Россией, Западом и Востоком. Редакция публикует полную стенограмму круглого стола в двух частях.

Ключевые слова: Виктор Пелевин; Мишель Уэльбек; автор; читатель; герой; литература; идентичность; просвещение.

Для цитирования: Ольхов П.А., Федосюк О.А., Мотовникова Е.Н., Номеровский В.О., Шевченко В.В., Чистякова Е.Ю., Масалов А.Г., Швец Н.К., Ковалевская Ю.В., Мирошкин М.В., Егоров Н.С. Опять Пелевин, опять Уэльбек? Первые двадцать лет XXI столетия (материалы «круглого стола», часть 2) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 3. С. 95-107. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-3-0-8

<p>P. A. Olkhov¹, O. A. Fedosyuk², E. N. Motovnikova¹, V. O. Nomerovsky³, V. V. Shevchenko³, E. Yu. Chistyakova¹, A. G. Masalov¹, N. K. Shvets, Yu. V. Kovalevskaya¹, M. V. Miroshkin³, N. S. Egorov¹</p>	<p>Again Pelevin, again Houellebecq? The first twenty years of the 21th century (proceedings of the round table)</p>
--	--

¹ Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;

² Russian Association for Canadian Studies, 2/3 Khlebny Ln., (Institute of the USA and Canada, RAS), Moscow, 123995, Russia;

³ Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary orientation), 75 Belgorod Ave., Belgorod, 308000, Russia;

Abstract. In February 2020, the editorial office of the *Research Result. Social Studies and Humanities* acted as a co-organizer of the round table of leading and young scientists of the International Research Center "Intellectual History of Russia and Regional Biographical Research" (Belgorod State National Research University), dedicated to modern anthropological prose of Victor Pelevin and Michel Houellebecq. The reports and the discussion touched upon the most diverse aspects of the actuality, and relevance of the writers' creativity in the context of modern humanitarian topics and problems, such as: the mirroring and infinity of Pelevin's author's questioning (S. Kolesnikov), authorship itself and writing as a problem in the modern world (E. Sherstyukova), the problem of the search for identity by a modern person and a literary character in a comparative key (O. Fedosyuk) and in a gender aspect (E. Tikhomirova) and in a utopian idealization (E. Chistyakova), continuation of the tradition of eternal values and idealism of Russian literature in the creative work of Victor Pelevin (E. Motovnikova) and Michel Houellebecq (K. Zagorodneva), philosophy, literature and practice of freedom and liberation of the reader's mind (M. Shirmanova). The discussion also touched upon questions about the role and significance of literary criticism for the modern reader, about cultural and historical parallels and divergences between modern Russia, the West and the East. The editorial board is publishing the full transcript of the round table in two parts.

Keywords: Victor Pelevin; Michel Houellebecq; author; reader; hero; literature; identity; enlightenment

For citation: Olkhov, P. A., Fedosyuk, O. A., Motovnikova, E. N., Nomerovsky, V. O., Shevchenko, V. V. Chistyakova, E. Yu., Masalov, A. G., Shvets, N.K., Kovalevskaya, Yu. V., Miroshkin, M. V. and Egorov, N. S. (2020), "Again Pelevin, again Houellebecq? The first twenty years of the 21th century (proceedings of the

round table)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (3), 95-107, DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-3-0-8

Часть вторая¹

П.А. Ольхов: Я предлагаю начинать Екатерине Юрьевне Чистяковой, кандидату философских наук, доценту кафедры философии и теологии нашего университета. Выступление у нее тематически заявлено как «Трансформация образов утопии в романах Мишеля Уэльбека: от трансгуманизма к традиционализму».

Е.Ю. Чистякова: Когда я собиралась писать выступление для этого круглого стола, осознала, что читаю Уэльбека уже десять лет и захотела написать историю своего прочтения: какие это были романы, как они на меня повлияли. Говорить об Уэльбеке трудно. Особенно в том нестабильном, нелинейном контексте современной российской интеллектуалистики, в котором, как уже показала наша дискуссия о трудах В. Пелевина, возможно почти все. Я хотела бы рискнуть и взять в качестве точки отчета короткую историю моих первых впечатлений от работ Мишеля...

Первый прочитанный мною роман Уэльбека – «Элементарные частицы» (1998). Еще студенткой третьего курса в рамках изучения этики, довольно большого годового курса, я получила индивидуальное задание от Павла Анатольевича – написать эссе о романе, который тогда захватил меня стилистикой и скандальным содержанием. Эротика соседствовала с «научной фантастикой» и привычными для студентки философского отделения рассуждениями о смысле жизни и бессмертии. Последние казались поверхностными, первое балансировало на опасной грани с той откровенностью, которая воспринимается как досадная; что же касается «фантастики» – и она была незамысловатой. Но в

своем целом роман содержал в себе какое-то свежее смысловое единство; к тому же он был, как я узнала, уже удостоен разного рода наград, свидетельств широкого его признания.

Второй роман – «Возможность острова» (2005), тематически близкий «Элементарным частицам», запомнился мне изображением бессмысленной, печальной жизни одинокого нечеловека. Передо мной был своего рода мираж авторской индивидуальности, неяркой, лишенной нарративного пафоса и тем самым притягательной. В этот же период я открыла для себя пронзительные стихи Уэльбека:

«С тобою встретимся мы снова,
Моя растроченная жизнь,
Моей надежды миражи,
Мое несдержанное слово...».

Далее была «Платформа» (2001) – роман о любви и туризме с внезапно трагическим финалом: в некоторой, как будто мало к чему обязывающей, развлекающей повседневности обретается, трудно укрепляется и утрачивается любовь, не остается надежды на счастье в повседневной жизни, для которой органична необязательность. Во всем этом все больше развивается какое-то беспомощное безмолвие: «любовь», «счастье», «надежда» здесь не только не романтические идеи, которые когда-то могли консолидировать жизнь европейского человека, но уже и не инстанции самопонимания и удержания себя в бытии. Читаю в этот же период «Расширение пространства борьбы», первый роман Мишеля Уэльбека (1994) о невозможности изыскать настоящую любовь; здесь предлагается онтологически ироничная гипотеза о распространении законов рыночной экономики на половую жизнь человека.

Вскоре после этого я прочла переписку Уэльбека с Д. Ногезом и на круглом столе, посвященном осмыслению творчества Ф.М. Достоевского, выступила с тезисами о его влиянии на темы и литературур-

¹ Окончание. Первую часть см. в предыдущем номере: Опять Пелевин, опять Уэльбек? Первые двадцать лет XXI столетия (материалы «круглого стола», часть 1) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 2. С. 63-93. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-2-0-6

ный стиль Уэльбека. Вслед за русским классиком он раскрывает «темные» стороны своих персонажей, изображает их без этических купюр, совершенно откровенно и честно, не стесняясь признать их аморальность и эгоизм.

Затем был роман «Покорность» (2015), ассоциативный по отношению к «Элементарным частицам» и «Возможности острова», еще один проект вынужденного будущего человечества, некоторая художественно-герменевтическая рефлексия того, что было.

После этого были «Лансароте» (2000), эссе «Остаться живым» (1991), «Карта и Территория» (2010), где Уэльбек экспериментирует с жанром автофикшн, включает в сюжет убийство с расчленением самого себя как персонажа романа... и, наконец, «Серотонин» (2019). Тут я почувствовала все «пятьдесят оттенков» депрессии Уэльбека. Уэльбек немного изменил стилистику своего повествования, добавил шокирующие сцены и ненормативную лексику (и дело тут не в переводе). Искрометная ироничность первой части не смягчила горького послевкусия романа. Уэльбек снова возвращается к вопросу о самоубийстве. Это сквозная тема в его работах, но каждый раз он избегает однозначных ответов. Либо самоубийства совершают второстепенные персонажи, либо, если этот вопрос ставится перед главным героем, – он пасует в последний момент и безвольно ожидает смерти как избавления от невыносимой жизни. В «Серотонине» же присутствует самоубийство второстепенного персонажа и открытый финал, полный размышлений о кратком моменте падения с высоты ста метров.

Но вернусь к заявленной теме. Я уже имела возможность осмыслить ее в семинаре «Социальное понимание» Студии практической философии, когда в ходе дискуссии у меня сложился некоторый семантический «пазл» из трех ключевых романов Уэльбека – «Элементарные частицы» (1998), «Возможность острова» (2005) и «Покорность» (2015). В этих романах

Уэльбек предлагает различные сценарии будущего, но выстраивает их вокруг одной основной проблемы – одиночества в повседневном. По наблюдениям Уэльбека, среднестатистический европеец в состоянии наполнить свою жизнь элементарным комфортом, но наполнить ее смыслом, ощущением общности и близости с другими людьми – нет. Об этом свидетельствуют прежде всего сюжеты.

В центре повествования «Элементарных частиц» находится история жизни двух сводных братьев. Мишель Дзержински – ученый-биолог, сдержан и сосредоточен на своей научной деятельности, не демонстрирует явную потребность в любви и близости. Его брат Брюно – несчастный, сексуально экзальтированный мужчина с рядом детских психологических травм. В этом романе Уэльбек усматривает причины современного социального кризиса в сексуальной революции и распаде института семьи, которые вызвали волну индивидуализма в Европе. В системе ценностей западного человека зачастую счастье подменяется удовольствием, а любовь – сексом. По версии автора, жизненная неудовлетворенность и одиночество могут быть устранены с помощью научного апгрейда человечества. Его умозрительный проект – это достижение физического бессмертия и преодоление пределов пола, которое позволит человечеству приблизиться к счастливой жизни. Дзержински совершает открытие, позволяющее вносить коррективы в ДНК человека и распространить по коже всего тела корпускулы Краузе, отвечающие за чувствительность половых органов. В дальнейшем был разработан общий генетический код для всех индивидов, тем самым устранены личностные особенности и необходимость полового размножения как основные причины человеческого несчастья. В романе вполне отчетлива мысль о том, что для достижения счастья человечество должно исчезнуть как вид. Вместе с тем, я замечаю в нем надежду на то, что хотя бы неолюди будут счастливы в своем совершенстве.

Роман «Возможность острова» идейно продолжает «Элементарные частицы», но в нем заметно сомнение Уэльбека в возможности достижения счастья путем генной инженерии. Роман написан в виде комментариев клонов – Даниеля²⁴ и Даниэля²⁵ к дневнику Даниеля, который стал точкой отсчета их локальной истории. После его смерти был запущен процесс воспроизводства генетических копий в автономных условиях, рассчитанный на неограниченное количество повторов. Таким путем неолюди обрели подобие физического бессмертия. Преемственность жизненного опыта обеспечивается за счет ведения дневника и комментирования предшественников. Каждый из клонов отмечает в своих записях, что испытывает схожее с описанным Даниелем чувство одиночества и неудовлетворенности жизнью. Наконец, Даниэль²⁵ предпринимает рискованную попытку встречи с другим нечеловеком в агрессивном окружающем мире. Когда же встреча не состоялась, он теряет надежду на счастье и пассивно ждет смерти, тем самым совершая нечто похожее на самоубийство.

После первого цикла круглого стола, в котором состоялся разговор о Викторе Пелевине, мне кажется, что этот сюжет звучит в некоторой буддийской тональности. Персонажи Уэльбека жаждут обрести свободу: от смерти и старости, от неравенства и чувства одиночества. Они уже давно свободны от условностей и традиции, живут в свободном мире, действуют по собственной воле, но счастливее от этого не становятся. Кажется, что Уэльбек не верит в возможность счастья для человека в современном мире, но и в мире неолюдей счастье недостижимо.

На мой взгляд, в «Покорности» Уэльбек переходит от образов будущего в духе идей трансгуманизма к традиционализму. Название романа намекает на то, что речь в нем пройдет об исламе, поскольку слово «покорность» является переводом этого арабского слова. У Уэльбека сложные взаимоотношения с мусульма-

нами; он получил иск за «исламофобию» после нелестных высказываний об этой религии в одном из интервью 2001 года и в романе «Покорность» изображает недалекое будущее Франции, в котором на демократических выборах президентом становится мусульманин, после чего начнется процесс постепенной исламизации французского общества. Но вот что удивительно: что Уэльбек пишет об этом как о своеобразном выходе современного Запада из кризиса своей исторически деградирующей повседневности. Франсуа – профессор и литературовед, фрустрированный одиночеством, нереализованной потребностью в любви. Когда же он принимает ислам под давлением мусульманского сообщества, ему помогают найти жену и возвращают утраченное социальное положение. Жизнь его налаживается благодаря этим чуждым западному образу жизни мусульманским ценностям, а во французском обществе восстанавливается институт семьи, о разрушении которого Уэльбек подробно пишет в «Элементарных частицах». У западного человека, как будто разлученного с привычной ему историчностью, появляется возможность избежать одиночества, вернуть в свою жизнь любовь как основную и необходимую жизненную ценность.

Разумеется, произведения Уэльбека не жестки в жанровом отношении; он несколько не одержим некоторым утопическим (или антиутопическим) замыслом, скорее – публицистичен, охотно допуская в роман некоторую «газетную» эклектику, которая препятствует развитию какой бы то ни было жанровой идеологии или, напротив, онто- или диалогической установки на высказывание по существу. Мерой серьезности здесь выступает некоторый антропологический интерес к повседневности – утомительной, вездесущей свидетельнице истории, обытовляющей все человеческое. В каждом своем романе Уэльбек предпринимает небольшое исследование или кейс, так сказать, à propos: подробно, «экспертно» повествует о жизненном цикле мух и о серийных маньяках

в «Элементарных частицах»; рассуждает о проблемах сельского хозяйства современной Франции в «Серотонине»; судит об искусстве и архитектуре, повествуя о жизни художника в «Карте и Территории»; проводит настоящее исследование о писателе Ж-К. Гюисмансе в «Покорности».

В интервью Уэльбек нередко замечал, что может не разделять точек зрения своих персонажей по некоторым вопросам, но это, конечно, нуждается в уточнении. Он добавляет в повествование сведения автобиографического характера (главное действующее лицо «Серотонина», как и автор, – выпускник агроинститута; многие персонажи, подобно ему самому, читают немецких, русских и французских писателей и философов и т.д.). Размышления о депрессии и неудовлетворенности жизнью в романах легко опознаются как автобиографически корректные. Произведения Уэльбека повсюду рефлексивны: тематически вечные (природа человека, одиночество и любовь, смысл жизни и смерти, страдание и удовольствие), они интересны именно своей соотнесенностью с экзистенциально неповторимым, умирающим опытом интеллектуальной повседневности человека XX века, все еще живущего в некотором времени истории, утрачивающего надежду на будущее и понимающего, в некотором чувственном самозабвении, что время его повседневных радостей и надежд на вечное как таковое прошло. История диссонирует с бытием, которое в своей повседневности не столько радуется или огорчается, сколько разочаровывает своей неотменимостью. Нет счастливого будущего; без будущего меркнет прошлое и настоящее; сама временность теряет свой смысл и тем самым дискредитирует бытие...

П.А. Ольхов: Уэльбек – человек истеблишмента или маргинал? Как мы его можем социально зафиксировать? Или он некое «скользящее существо»?

Е.Ю. Чистякова: Очень сложно зафиксировать его странный путь в писательство. Он закончил Национальный аг-

рономический институт Париж-Гриньон, затем он работал системным администратором. И только потом он наконец-то стал писать. Причем сначала эссе и стихи, работу о Г.Ф. Лавкрафте. Первый его объемный роман – это «Элементарные частицы».

П.А. Ольхов: Он ведь еще и профессиональный кинематографист... Сельхозобразование – первое, а второе – кинематографическое. Некоторые из своих романов он сам поставил.

Е.Ю. Чистякова: Да, «Возможность острова» в 2008 году.

П.А. Ольхов: Все-таки мне интересен русский след. Почему он популярен? Помню только, что он в самом начале своей творческой жизни организовал журнал под названием «Карамазов».

Е.Ю. Чистякова: Сам Уэльбек в переписке Домиником Ногезом говорил о влиянии на него русской литературы, в особенности Достоевского.

О.А. Федосюк: У меня вопрос по названию вашего выступления, Екатерина Юрьевна. Где у Уэльбека традиционализм, я поняла, а вот насчет трансгуманизма – нет.

Е.Ю. Чистякова: В «Элементарных частицах» был представлен этот проект усовершенствования природы человека на пути к бессмертию и сверхчувственности. Оно выступает как компенсация физического аспекта страдания, неудовольствия от жизни.

О.А. Федосюк: Приставка «транс-» означает через жизнь? после жизни?

Е.Н. Мотовникова: Сверхчеловек, технологии...

А.Г. Масалов: Научно-технический апгрейд человека...

Н.С. Егоров: Мы закончили разговор о Пелевине некоторыми короткими суждениями о его буддизме. Мне кажется, что буддизм у Пелевина играет достаточно декоративную роль. Он насыщает повествование какими-то деталями и используется зачастую для необязательных подробностей. Ислам у Уэльбека, как я понял, выполняет утилитарную функцию в повест-

вовании. Он нужен как некий враждебный элемент. То есть, совершенно различные роли играют буддизм и ислам в творчестве этих писателей, правильно?

Е.Ю. Чистякова: Да, потому что ислам у Уэльбека – как последняя, крайняя надежда, учитывая все предпосылки, его трудности с представителями этой религии. Раньше он выступал против ислама, а тут думает, раз других способов нет, может быть, нам хоть ислам поможет? Но, как мы уже знаем из последующих романов, уже и он не в силах помочь.

Н.К. Швец: Это такой литературный прием, потому что, насколько я знаю, Уэльбек ко всем монотеистическим религиям относится негативно, а к исламу особенно. Это, скорее, не его взгляд, а взгляд его героя.

Е.Ю. Чистякова: Я не склонна их различать особо, мне кажется, это очень тонкая грань, они герменевтически совместны. Невозможно отделить уэльбековских персонажей, по крайней мере самых заметных, от самого Уэльбека, потому что часто он ведет повествование от первого лица. Мы всегда рискуем, говоря, что это мысль самого автора или же вымышленного героя, потому что в некоторых интервью Уэльбек говорит, что если его герои высказывают ненависть по отношению к представителю ислама, это еще не значит, что он сам разделяет эту позицию.

О.А. Федосюк: Да, он отделяет все-таки...

Е.Ю. Чистякова: Да, но может быть, это была защитная позиция в связи с судебными разбирательствами?

Е.Н. Мотовникова: То есть, логически это не значит... А вот насколько вам показалось убедительным изображение этой покорности? Потому что как можно чужой традиции, чужой религии реально покориться? На себя примеряя, я ни за что не поверю, что человек с отсылками к Достоевскому и русской культуре способен вообще покориться хоть кому-нибудь, чему-нибудь.

Е.Ю. Чистякова: Это, скорее, проблема социального конформизма, когда все вокруг уже приняли ислам, и главный герой становится инородным элементом в обществе: он не может в нем привычно жить и работать, ведь его отстранили от университетской должности. Он чувствует свою отдаленность от других еще острее и, соответственно, единственным способом примкнуть обратно к сообществу остается принять ислам. И он принимает ислам с облегчением, потому что тут же многие болезненные вопросы для него решаются: он возвращается на работу, ему находят двух жен. Он теперь не одинок.

Е.Н. Мотовникова: Но это же поверхностное облегчение? Как-то неубедительно...

П.А. Ольхов: Как сказал ушедший со второй части круглого стола Сергей Александрович, у нас все больше проблем с инструментами интерпретации. В частности, неловкими становятся привычные литературоведческие категории и приемы, в том числе и попытки историзации мышления Пелевина. Насколько это так для Уэльбека? Хочется понять, насколько его можно взять в тиски теоретически привычных категорий, форм. Назвать антиутопией «Покорность», например, как некоторые и делают, говоря, что это оруэлловская антиутопия в духе «1984»...

Е.Ю. Чистякова: Насколько я различаю антиутопию, последняя отличается протестом против системы, некоторым овнешнением личного опыта в негативное. А когда главное действующее лицо принимает систему как бы за некоторую очевидность повседневного опыта, не рефлектирует ее и даже находит в ней некоторое спасение и счастье, может быть, в кавычках этических, но как нечто вполне его устраивающее, это уже не антиутопия.

А.Г. Масалов: Утопия мертва для Уэльбека, она невозможна, причем в любом изводе: в религиозном, либо в трансгуманистическом?

Е.Ю. Чистякова: Строго говоря, его утопия прежде всего – двойная и доста-

точно напряженная риторическая фигура: «невозможная утопия» и ничуть не менее «невозможная» антиутопия. В его целеполагании, как мне кажется, нет утопии или антиутопии как жанровой или онтологической идеи; идейное здесь инструментально по отношению к одиночеству, понимаемому или переживаемому изнутри опыта повседневной жизни, в которой собственно идейное давно тривиализовано и измельчено, не является смыслополагающим.

П.А. Ольхов: То есть, неудобная категориальная форма?

Е.Ю. Чистякова: Поэтому мы для простоты называем это образами утопии, которые у него меняются. Уэльбек ищет возможности спасения из безнадежной ситуации, в которой оказался европейский человек. «Серотонин» показывает, что изнутри опыта европейского человека этого спасения нет.

Е.Н. Мотовникова: Не получается ли, что читатели Уэльбека, в первый раз впечатлившись «Элементарными частицами», которые произвели эффект бомбы, могут дальнейшие его романы не читать? Он все тот же, старый знакомый. Интересы и новизны идеи, как у Пелевина, у него нет? Не движутся ли его романы от одного мрачного образа и разочарования к другому?

Е.Ю. Чистякова: В его романах меняются декорации, новеллы, но проблемы все те же, он до сих пор не может их разрешить. Риторически подвижная сцена, на которой повторяются с некоторой неполнотой и незавершенностью похожие друг на друга события.

Е.Н. Мотовникова: Новый читатель возможен для нового романа Уэльбека? Читатель, который не читал ни «Элементарные частицы», ни другие романы?

Е.Ю. Чистякова: Давайте спросим Юлию Ковалевскую, она как раз недавно прочла «Серотонин».

Ю.В. Ковалевская: Это пока что единственный роман Уэльбека, который я читала...

В.В. Шевченко: В век монетизации сейчас все сериалы пропагандируют трансгуманизм. Может ли быть некая коммерциализация ситуации, своего рода коммерческий заказ на новые «Элементарные частицы» и, в том же духе, на последующие романы?

Е.Ю. Чистякова: Мне кажется, что это довольно сомнительно, потому что Уэльбек предлагает достаточно специфическое усовершенствование человека, которое связано с реализацией сексуальных потребностей.

В.В. Шевченко: Вы же слышали, что все обретаются в исламе в итоге. Это хорошая религия для того, чтобы популяризировать трансгуманизм, вы не обратили на это внимание? Будучи религией послушания, она может способствовать распространению идей трансгуманизма.

Е.Ю. Чистякова: Разве ислам поощряет такие манипуляции, будучи традиционной религией?

В.В. Шевченко: Она сулит хорошие деньги, и депрессия тут ни при чем.

Е.Ю. Чистякова: Но почему же тогда Уэльбек отходит от этого образа будущего?

М.В. Мирошкин: Важно держать человека в тоне трансгуманистической идеи.

Е.Н. Мотовникова: Вы хотите сказать, что вся литература – технология трансгуманизма? Трансгуманизм правит миром? Существует мировая закулиса?

М.В. Мирошкин: Нет, я не сторонник конспирологии, но есть некоторая тенденция в той же Европе постхристианской эры, о которой напрямую заявляется сейчас.

Е.Ю. Чистякова: Кризис гуманизма?

Н.С. Егоров: А почему вы думаете, что такие идеи могут возникать только в условиях заказа? Это, вполне возможно, идея самого автора.

Н.К. Швеиц: У вас такой подзаголовок: от трансгуманизма к традиционализму. Я обратил внимание, что последние

сто лет, от первой мировой войны, когда начинают разрушаться устои традиционного общества, у нас было разрушение традиционализма, появился модерн в культуре и в социальной жизни, а потом уже трансгуманизм. А у вас, получается, Мишель Уэльбек наоборот, от распада трансгуманизма обратно через Модерн к традиционализму вернуться решил?

Е.Ю. Чистякова: Очень много «-измов», это очень схематично. Конечно, название моего выступления, может быть, не очень удачно...

Н.К. Швец: То есть, он попытался вернуться к традиции?

Е.Ю. Чистякова: Я хотела только отразить то, что он ищет способы избавить человека от боли одинокого существования. Все его романы пронизаны экзистенциальным настроением. И в своих поисках решения этой основной проблемы западного человека он прошел свою личную творческую эволюцию от идеи усовершенствования человека к идее смены культурной парадигмы.

Н.К. Швец: Можно подумать, что он человек длинной воли, указывающей на то, что нужно держаться за традицию и не тонуть в Модерне.

Е.Ю. Чистякова: Это условно «традиционализм», это я так обозначила этот проект. Сам Уэльбек о нем не упоминает и никаких серьезных призывов в романах к нему не делает. «Покорность» – это единственный политический роман Уэльбека, в котором он пишет о том, как менялась политическая ситуация, как следил главный герой за дебатами, за тем, как президентом Франции был избран мусульманин.

В.О. Номеровский: То есть, традиционализм есть только конкретно в «Покорности»?

Е.Ю. Чистякова: Да, «Элементарные частицы» и «Возможность острова» – трансгуманистические романы, причем «Возможность острова» – переходный, в котором автор понимает невозможность через усовершенствования природы избавить человека от страдания. «Покорность»

же написана гораздо позже, но мне кажется, что тематически эти романы близки. Это его утопии (антиутопии), или три футуристических романа. Можно их так называть, тогда мы избавляемся от рамки утопия-антиутопия, которая нас ограничивает. Можно изменить название «образы утопии» на «образы будущего».

П.А. Ольхов: Кажется, позиции основные определились в дискуссии, и может быть, мы сейчас сделаем небольшую паузу, послушаем то, что подготовил Алексей Геннадиевич и посмотрим его презентацию, а потом вернемся и завершим дискуссию.

А.Г. Масалов: Возможно, у нас появятся некоторые новые аргументы для ее плодотворного завершения. Мое сообщение, я надеюсь, будет кратким, оно называется «Славянский Уэльбек – опыт книговедческого комментария». Об интересе к писателю и его литературному творчеству говорят не только тиражи и объемы продаж наиболее известных произведений, но и наличие публикаций менее известных, менее популярных книг, в том числе в переводах на иностранные языки. Я решил предложить вам небольшую подборку данных, небольшое статистическое распределение по названиям произведений Мишеля Уэльбека, изданных в различных славянских странах на славянских языках. Вот что из этого получилось.

Прежде всего укажу на книги Уэльбека, изданные на болгарском языке. Они были изданы, в основном, издательством «Факел-Экспресс». Также произведения Уэльбека печатало издательство «Колибри». Всего было издано девять произведений на болгарском – это наиболее известные романы и повесть «Лансароте».

Издания на македонском языке. Это семь изданий, они также были изданы одним издательством, которое называется «Три». Обратите внимание, здесь есть две книги: одна называется «Мапа и Просторот», вторая «Карта и Территория». По сути, это одно и то же произведение, и изда-

тель пишет, что оба эти перевода выполнены на македонском языке.

Издания на польском языке. Как ни странно, их не очень много, всего восемь. Эти обложки на слайде – более современные издания, поскольку найти оригинальные начала 2000-х мне не удалось. Вот как они выглядят. В основном, это наиболее известные романы. Я думаю, что в переводе мы не нуждаемся, поскольку латиницу знаем, к тому же это славянские языки. Также поляки издали эссе Мишеля Уэльбека о творчестве Лавкрафта.

Издания на русском языке. Данный перечень является наиболее обширным. Интересно, что если в остальной Восточной Европе, как правило, это было какое-либо одно издательство, то здесь их несколько, а именно, это «АСТ», «Иностранка», «Азбука», «У-Фактория». Всего здесь представлено 17 изданий. Кроме наиболее известных произведений, в России также издавались и издаются сборники эссе, интервью, поэтических произведений Уэльбека и его переписка.

Издания на сербохорватском языке. Я решил объединить хорватский и боснийский языки. Существует боснийский сайт, посвященный Уэльбеку, но изданий в Боснии и Герцеговине нет. Здесь представлены в основном сербские и хорватские издания. Хорваты немного опережают сербов по времени и количеству изданий. Я пытался здесь представить все наиболее ранние издания Мишеля Уэльбека. Их достаточно много на общем фоне, среди 10 стран, но, конечно, меньше, чем в России. Вот так они выглядели.

Издания на украинском. Их меньше всего – шесть изданий на сегодняшний день. В основном, это наиболее известные романы.

Издания на чешском. Это разные издательства, издано восемь книг. И в завершение, небольшая диаграмма, которая представляет окончательное распределение по количеству названий (тиражи я не учитывал, поскольку внутренние рынки несопоставимы, брать нужно названия).

О чем, на мой взгляд, говорит такое распределение? Дело в том, что для того, чтобы издавать не только самые известные произведения, а вообще все, что можно издать, нужна публика, которая готова это читать и покупать. В этом плане показатели России вполне сопоставимы с таковыми в Западной Европе. И сопоставимы со всей вместе взятой остальной частью Восточной Европы. В этом плане можно сделать вывод, что россиян волнуют те же самые проблемы, о которых Екатерина Юрьевна говорила, те же самые мысли и тревоги, которые беспокоят и западноевропейскую читающую публику, готовую покупать произведения Мишеля Уэльбека. На этом я хочу закончить свою презентацию.

У меня есть небольшой вывод, почему и Пелевин, и Уэльбек являются востребованными в России. Потому что Уэльбек, так же как и Пелевин, говорит о мире за нашим окном, о культуре, которую мы называем потребительской и массовой, ее называют бездуховной, отмечают распад социальных связей. Это общая проблема. Никакой особой атмосферы, которая бы отличала в этом плане российскую аудиторию от европейской, здесь, пожалуй, мы усмотреть не сможем. И в этом одна из причин востребованности этих произведений на российском книжном рынке.

Е.Ю. Чистякова: Мне кажется, это еще из-за уэльбековской «тоски страданий»...

А.Г. Масалов: Это то же самое, о чем я сказал, потому что у европейского человека наблюдается, на основании того, что мы слышали, феномен распада социальных связей. Он одинок и находится в поисках себя. В этом плане эта тема абсолютно актуальна и для России.

П.А. Ольхов: И для славянских стран.

А.Г. Масалов: Для славянских стран также, потому что они в Европе географически, и исторически ближе к Европе, но мы можем видеть, что в России издают намного больше, чем в Восточной Европе (в целом), в частности, в славянских стра-

нах, даже в Польше. Поэзия, сборники интервью, переписка – они не находят там такого количества читателей. А в России находят.

П.А. Ольхов: Я предлагаю, завершая работу нашего круглого стола, высказаться в режиме «последних сужений» об Уэльбеке, о Пелевине и о всех тех внутренних исследовательских решениях, которые вы полагаете важным принять для себя, а может быть, и не только для себя. Прошу высказываться. Кто хотел бы? Конечно, «свежие головы» хочется подключить...

Е.Ю. Чистякова: Я хочу сказать, что, занимаясь написанием своей истории чтения Уэльбека, я поняла, что хочу заново все перечитать, чтобы уточнить позиции.

Е.Н. Мотовникова: Что за жизнь, в которой мы будем все время в каком-то кайфе, хоть естественном, хоть искусственном? Другое дело, что приятнее читать все-таки не Уэльбека, у которого на почве страдания развивается депрессия, и он всем недоволен, считает, что выхода нет. А у Пелевина как раз есть выходы, и их множество! Можно сочинять, можно в пустоту, на войну... бездна всяких вариантов! В этом смысле у него все гораздо оптимистичнее, а самое главное – есть знание того, что мир устроен правильно. Есть Бог.

М.В. Мирошкин: Разная целевая аудитория...

Е.Н. Мотовникова: Ну а что, если читатели такие разные, и каждый пишет, как он дышит, и читает так же. Богатство возможностей для читателя – это и есть самое ценное у Пелевина. А у Уэльбека не вычитаешь радостного...

Е.Ю. Чистякова: А мне кажется, как раз в противопоставлении уэльбековскому страдающему человеку можно свои смыслы возобновить. Если он не видит выхода, то я-то вижу!

О.А. Федосюк: Мне кажется, нам не хватает контекста. Мы должны помещать этих писателей в контекст и понимать, что эти тенденции характерны для литератур всего мира – такое пессимистическое восприятие современной цивилизации и поис-

ки выхода. У Коупленда это тоже есть, он тоже пессимистичен, потому что он смотрит в глаза реальности, нет идеалистических представлений, а есть четкое представление о реальности. И когда мы увидим этот контекст, для нас многое прояснится. Например, я не знаю совершенно современную французскую литературу, как, что пишут другие писатели, насколько они оптимистичны? Может быть, они такие же пессимисты, как Уэльбек, и он совершенно не выделяется? О чем пишет Фредерик Бегбедер? Может быть, эти идеи идут в русле тенденции, и ничего в этом особенного и удивительного нет? А может быть, он выбивается из тенденции, поэтому для нас важен контекст, посмотреть, как остальные писатели видят современный мир, который на грани тяжелых последствий глобализации, столкновений...

П.А. Ольхов: Это очень важное замечание, и не только для европейских писателей, но и для российских. Если спросить себя о контекстах Пелевина, то будет не просто...

О.А. Федосюк: Сорокин и Пелевин, у них есть общее тотальное отрицание коммунизма...

А.Г. Масалов: Уэльбек и Пелевин выступают как зеркало для человека, который пытается для себя найти систему координат в мире, где на личный аутсорсинг отдается то, что раньше выполнялось обществом. Теперь каждый это делает сам...

М.В. Мирошкин: У этих авторов нельзя найти системы координат, это другую литературу нужно читать...

А.Г. Масалов: Готовых координат для (пост)современного человека как бы и нет...

М.В. Мирошкин: У них в принципе нет системы координат, Пелевина «шатает» из стороны в сторону, его буддизм не оформившийся. У Уэльбека тоже непонятно насчет ислама...

А.Г. Масалов: В том и проблема современного человека, что он часто не находит готовых ответов и вынужден конструировать их сам...

Е.Н. Мотовникова: Великая традиция богоискательства...

П.А. Ольхов: Мы, кажется, перешли к обмену афоризмами. Если можно, я завершу наш сегодняшний круглый стол, который оказался марафоном, все-таки четыре часа. Круглый стол, который мы собрали, оказался, на мой взгляд, своевременным, поскольку мы не только отозвались на некоторые тематические, смысловые инициативы Уэльбека или Пелевина – очень ярких писателей нашего времени, очень популярных, но, как мне кажется, предложили и свою инициативу в ответ. Все интерпретации, которые здесь прозвучали, были, конечно, жесткими либо в методологическом смысле, когда предлагались интерпретативные схемы, высказанные на языке детерминистического литературоведения, либо они были довольно жестки в теологической схематике. Но, так или иначе, это были инициативы, которые создают возможность для новых разговоров. Что касается меня самого, то мне кажется, что полезным было бы думать не только о социальных, антропологических или психологических планах разработки тех тем, которые предложили Уэльбек или Пелевин, не только о литературоведческих и теологических квалификациях и контекстах, но и полезно, думаю я, замедлить над их текстами, позволить себе медленное чтение. Мы много говорили о Пелевине, об Уэльбеке чуть меньше получилось сказать, но я хотел бы напомнить вам, что Уэльбек относится к числу писателей, которые чтут Библию, считая ее прекрасной книгой, как минимум. Кроме того, вот очень короткая фраза Уэльбека, которую я хотел бы прочитать и сказать, что в ней просматривается некоторый онтологический горизонт, который стоит внимания: «Я никогда не демонстрировал ни малейшего презрения по отношению к мусульманам, но испытываю ровно такое же презрение к исламу, которое всегда испытывал». Это из его речи на суде, но говорит это христианин. Я никогда не испытывал презрения к мусульманам, но я не согласен с теми идеями, которыми вы охвачены – это говорит христианин. Возможно, бессознательный

христианин, пост-христианин. Если мы будем думать еще и в онтологической перспективе о тех нарративных зеркалах, среди которых мы сегодня оказались, это будет тоже вполне полезно. Спасибо за работу и давайте прощаемся!

УЧАСТНИКИ:

Ольхов Павел Анатольевич, главный редактор журнала «Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования», доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; olkhov@bsu.edu.ru

Федосюк Ольга Аркадьевна, филолог, переводчик, член Правления Российского общества изучения Канады, Хлебный переулок д. 2/3 (Институт США и Канады РАН), г. Москва, 123995, Россия; olgafedos@yandex.ru

Мотовникова Елена Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; motovnikova@bsu.edu.ru

Номеровский Виктор Олегович, священник, студент магистратуры Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью), Белгородский пр-т, д. 75, г. Белгород, 308009, Россия; nomerovsky.viktor@yandex.ru

Шевченко Виктор Викторович, диакон, студент магистратуры Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью), Белгородский пр-т, д. 75, г. Белгород, 308009, Россия; agedviktor@bk.ru

Чистякова Екатерина Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85,

г. Белгород, 308015, Россия; *chistyakova_e@bsu.edu.ru*

Масалов Алексей Геннадиевич, кандидат философских наук, заведующий отделом редких книг – библиотеки-музея Н.Н. Страхова Научной библиотеки, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *masalov@bsu.edu.ru*

Швец Никита Константинович, магистр географии, свободный исследователь, г. Белгород, Россия; *ns.nvr.ts@gmail.com*

Ковалевская Юлия Валерьевна, студентка, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *1133363@bsu.edu.ru*

Мирошкин Михаил Владимирович, студент магистратуры Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью), Белгородский пр-т, д. 75, г. Белгород, 308009, Россия; *paradocs57@gmail.com*

Егоров Никита Сергеевич, магистрант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *jivatunrik@yandex.ru*

PARTICIPANTS:

Pavel A. Olkhov, Editor-in-Chief of the Journal *Research Result. Social Studies and Humanities*, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *olkhov@bsu.edu.ru*

Olga A. Fedosyuk, Philologist, Translator, Member of the Board of the Russian Association for Canadian Studies, 2/3 Khlebny lane, (Institute of the USA and Canada, RAS), Moscow, 123995, Russia; *olgafedos@yandex.ru*

Elena N. Motovnikova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *motovnikova@bsu.edu.ru*

Victor O. Nomerovsky, Priest, Master's Degree Student, Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary orientation), 75 Belgorod Ave., Belgorod, 308000, Russia; *nomerovsky.viktor@yandex.ru*

Viktor V. Shevchenko, Deacon, Master's Degree Student, Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary orientation), 75 Belgorod Ave., Belgorod, 308000, Russia; *agedviktor@bk.ru*

Ekaterina Yu. Chistyakova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *chistyakova_e@bsu.edu.ru*

Alexei G. Masalov, PhD in Philosophical Sciences, Head of the Department of Rare Books of Strakhov Scientific Library, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *masalov@bsu.edu.ru*

Nikita K. Shvets, Master of Geography, Free Explorer, Belgorod, Russia; *ns.nvr.ts@gmail.com*

Yulia V. Kovalevskaya, Student of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *1133363@bsu.edu.ru*

Mikhail V. Miroshkin, Master's Degree Student, Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary orientation), 75 Belgorod Ave., Belgorod, 308000, Russia; *paradocs57@gmail.com*

Nikita S. Egorov, Master's Degree Student, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *jivatunrik@yandex.ru*